

Лингвистика

УДК 81.04

А.Ю. Зиновкин

ВЛИЯНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА РАЗВИТИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИРИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ

Настоящая статья посвящена вопросам развития средневекового сирийского языкознания, претерпевшего на заре своего существования большое влияние со стороны античной грамматической мысли, особенно Дионисия Фракийца. После краткого описания истории сирийского языка в статье далее перечисляются основные грамматики, которые отразили в своих сочинениях сирийскую лингвистическую традицию.

Ключевые слова: Сирийский язык, лингвистическая традиция, части речи, морфология, консонантный корень.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-2-189-198

1. Общие сведения о сирийском языке

Прежде чем приступить к изучению средневекового сирийского языкознания, было бы уместно вспомнить замечание Ф. де Соссюра касательно объекта лингвистики. В начале своего «Курса общей лингвистики» профессор пишет: «В лингвистике объект вовсе не предполагает точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект; вместе с тем ничто не говорит нам о том, какой из этих способов рассмотрения данного факта является первичным или более совершенным по сравнению с другими» [15, с. 46]. Иными словами, точка зрения грамматика определяет то, что является важным в языке. Так было в средневековом сирийском языкознании, когда одни грамматики описывали свой язык по греческому образцу, другие – по арабскому. В первую группу входило большинство.

Классический сирийский язык представляет собой разновидность арамейского диалекта древнего государства Осроэна со столицей Эдесса (современный г. Шанлиурфа на юго-востоке Турции). Он был литературным языком арамеев-христиан Сирии и Месопотамии в I-м и начале II-го тысячелетий нашей эры. На этом языке была создана обширная оригинальная и переводная литература. Из-за религиозного раскола V-го в. появились христианские течения «несторианство» и «монофизитство» и вместе с этим два диалекта: восточный и западный. По замечанию С. В. Лёзова, «регулярные различия между ними отмечаются лишь в вокализме» [9, с. 564]. Образование сирийцев было на высоком уровне. Развитию образования способствовали учителя сначала Эдесской академии (основанной в IV-м в.), а после ее закрытия в 489 г. – учителя новой академии Нисибина. Последняя воспитала большое количество сирийских деятелей и просветителей. Н. В. Пигулевская пишет: «Слава Нисибина распространилась по всей Византии, он соперничал с такими замечательными городами, как Антиохия и Александрия, традиции философских знаний которых уходят далеко в языческую античность» [11, с. 56]. Греческий язык был широко распространен на территории эллинизированного Ближнего Востока. Западная Сирия претерпела наибольшее влияние греческой культуры. В этой связи «историю возникновения и развития сирийской грамматической мысли следует рассматривать в некоторой связи с греческим влиянием» [13, с. 4].

Наиболее важным исследованием по истории развития средневекового сирийского языкознания до сих пор остается фундаментальный труд Адальберта Меркса «Historia artis grammaticae», который был опубликован в Лейпциге в 1889 г. [28]. В течение XX и XXI вв. появилось достаточно большое количество исследований, в центре внимания которых были проблемы влияния греческой грамматической мысли на сирийских грамматиков. Вопросам сирийского языкознания непосредственно посвящены работы Дж. Б. Фишера [27], Р. Контини [22], Р. Талмона [30, 31], Ж. Боаза [18-20], С. Е. Конти [21]. Среди отечественных исследователей проблемами сирийского средневекового языкознания занимались Н. В. Пигулевская [11, с. 107-114] и Р. Г. Рылова [13] и ряд других исследователей.

Таким образом, учитывая упомянутые выше работы, мы постараемся в настоящей статье дать краткий обзор истории и особенностей сирийской лингвистической традиции, обозначив наиболее

важные вехи в ее формировании. Данное исследование позволит нам понять, насколько современные европейские сирийские грамматики сохранили или, наоборот, отделились от традиции, родившейся среди сирозычных авторов средневековья.

2. Средневековые сирийские грамматики

Многие исследователи соглашаются с тем, что первым сирийским грамматиком был Иосиф Хузайя (ок. 580), который описал развитие системы пунктуации. Вполне вероятно, что он перевел на арамейский язык «Искусство грамматики» Дионисия Фракийца [28, с. 65]. Этот перевод стал впоследствии теоретической основой для построения сирийской грамматики [13, с. 6].

Развитие сирийского языкознания обязано во многом Иакову Эдесскому (640-708), уроженцу Антиохии. После того как Иаков завершил свое образование в Александрии, он вернулся к себе на родину и стал епископом Эдессы. Этому автору принадлежат произведения «О правописании», «Трактат о сирийской пунктуации», «Грамматика сирийского языка», в которых рассматриваются особенности глагольных и именных форм [26, с. 169]. Иаков был первым, кто обозначил гласные звуки при помощи огласовок, напоминающих греческие буквы. Изначально он планировал писать эти гласные в строку, то есть наряду с согласными [28, с. 50-52]. Однако эта форма обозначения не была усвоена. Огласовки, обозначающие гласные звуки, писали над либо под строкой. Именно эта система огласовок легла в основу западносирийского письма. По словам Р. Дюваля, «Иаков Эдесский был первым, кто дал систематическое описание сирийской грамматики, его трактат по грамматике оставался в течение продолжительного времени авторитетным в Сирии» [25, с. 290].

Правила пунктуации, или диакритических точек, были также описаны двумя сирийскими грамматиками Ишо бар Нуном (828) и Хонейном ибн Исхаком (873). Они создали сочинения по пунктуации, опираясь на практику школьных учителей, которые вносили пометы в священные тексты для того, чтобы отличить слова схожие по форме, но различные по смыслу.

В XI в. несторианский католикос Илья I Тирханский (1049) написал грамматику, в которой сирийский язык был впервые описан правилами и положениями арабской грамматики [28, с. 154]. Прежние сирийцы следовали греческой грамматической системе. Этот автор не знал греческого языка. «Илья Тирханский в истории сирийской грамматической мысли известен первыми усилиями использовать арабскую грамматическую систему для наилучшего построения и изложения сирийской грамматики и является новатором в этой области» [13, с. 21]. Однако новая система Ильи I не была последовательной и полной. Согласно В. Райту, «мы имеем дело собственно с собранием грамматических рассуждений, а не с грамматикой в настоящем смысле слова» [12, с. 167]. А. Меркс считает, что Илья Тирханский «составил труд несовершенный и путанный» и «не достиг поставленной цели» [13, с. 10]. Однако он достоин всяческой похвалы за введение «нового метода в исследование свойств сирийского языка», за первое сравнение сирийского языка с арабским [13, с. 10]. Р. Г. Рылова дала русский перевод грамматического трактата Ильи Тирханского и вместе с тем охарактеризовала его филологические взгляды.

В том же XI в. творил Илья бар Шинайя из Нисибина (1049), который составил сиро-арабский словарь и начальную грамматику. Автор стремился изложить грамматику в более доступной форме, чем Иаков Эдесский, который составил обширную и трудную грамматику [12, с. 170]. Им была детально разработана система огласовок, а также пунктуация, которая способствовала более точному чтению священных текстов.

Иосиф бар Малкон (сер. XIII в.) развил учение Ильи Нисибийского о глаголе. Так, например, он делит глаголы на три класса: с двумя корневыми, с тремя корневыми и глаголы с начальным алафом [28, с. 133].

Большое значение для развития сирийского языкознания имеют труды несторианского грамматика Иоанна бар Зоби (XII-XIII вв.), который стремился сочетать философию с тщательным исследованием этимологии и синтаксиса сирийского языка. Бар Зоби использовал, как и прежние сирийские грамматики, учение древних греков при описании своего языка. Грамматическое учение этого сирийца отражено в его «Большой грамматике», трактате о пунктуации и метрической «Малой грамматике». Удивительно, что грамматические труды этого автора до сих пор остаются неизданными. Н. Н. Селезнёв, современный русский востоковед, недавно опубликовал критическое издание и перевод богословского трактата Иоанна бар Зоби «Истолкование тайн» [14]. В своей книге исследователь кратко касается грамматического учения сирийского автора.

Иаков бар Шакко (1241) написал книгу диалогов, в которой описаны различные разделы науки, в том числе и грамматика.

Наиболее важным автором позднего средневековья является Григорий Абу-л-Фарадж бар Эбрей (1226-1286): «нет такой области средневековой науки, в которую этот выдающийся ученый, сочетавший теологические, философские и медицинские знания, не внес бы своего существенного вклада» [11, с. 113]. Бар Эбрей составил грамматику «Книга лучей», которая свидетельствует о хорошей эрудиции автора. Исследователи отмечают, что это произведение содержит большое количество «непроверенных теорий» предшествующих грамматиков [11, с. 113].

3. Особенности средневекового сирийского языкознания

Как уже было сказано выше, в VI в. Иосиф Хузайя перевел грамматику Дионисия Фракийца на сирийский язык. Этот перевод оказал влияние на теорию и метод сирийской грамматики. Сочинения ранних сирийских грамматиков практически не сохранились, во многом они известны благодаря цитатам более поздних авторов. На основании имеющегося материала мы можем сказать, что эти первые работы были посвящены, как правило, проблемам чтения и произношения [13, с. 14]. Возможно, это обусловлено тем, что сирийцы понимали термин «грамматика» через призму греческой традиции, где изучение языка предполагало освоение правил чтения и письма: «Когда авторы классической эпохи, вплоть до Аристотеля, употребляют термин “грамматика”, они имеют в виду искусство чтения и письма» [16, с. 10].

В VII–VIII вв. Иаков Эдесский предложил произносить и читать консонантный сирийский текст посредством гласных греческого языка. Сохранившиеся фрагменты не позволяют в достаточной мере оценить его морфологию и синтаксис. В целом, он следует греческим грамматикам. Что касается классификации частей речи, то здесь наблюдается отличие. Аристотель установил три части речи в греческом языке: имя, глагол и союзы, к которым примыкали артикли, местоимения, предлоги [16, с. 22]. Римский ритор первого века новой эры Квинтилиан писал: «древние... учили, что есть только глаголы, имена и союзы; но, конечно, они считали, что сила речи в глаголах, материя в именах (потому что одно – что мы говорим, другое – о чем мы говорим), в союзах же – соединение глаголов и имен» [8, с. 113]. Александрийские грамматики считали, что в греческом языке восемь частей речи. Так, например, Дионисий Фракиец выделяет следующие части речи: «имя, глагол, причастие, член, местоимение, предлог, наречие и союз» [16, с. 118]. В своем письме к Георгию Серугскому Иаков Эдесский пишет о «именах, глаголах и других частях речи (*'hrānē haddāmē da-mlilūtā*)» [31, с. 178]. В том, что автор выделяет две части речи (имя и глагол) нет ничего удивительного, так как греческие грамматики также придавали им особое значение [16, с. 22]. Остается непонятным, что Иаков имеет в виду, когда говорит о «других частях речи». Традиционно сирийские грамматики (см. ниже) выделяли семь частей речи: имя, глагол, причастие, местоимение, предлог, наречие, союз [19, с. 2]. Нет «артикля» (*árthron*). В сирийском языке нет эквивалента этой греческой части речи. Таким образом, Иаков Эдесский под другими частями речи, возможно, подразумевал остальные пять частей речи. Именно так понимает Р. Г. Рылова, которая считает, что учение Ильи Тирханского о семи частях речи вытекает из соответствующей классификации Иакова Эдесского: «части речи, упоминаемые, по сообщению Ильи Тирханского, в грамматике Иакова Эдесского, не отличались, вероятно, от предлагаемых им самим, так как в противном случае он как-нибудь выразил бы свое отношение к этому вопросу» [13, с. 31]. Однако Р. Талмон полагает, что в учении о частях речи Иаков следует Аристотелю, а не греческим грамматикам. В этой связи стоявшее в оригинале выражение единственного числа «другая часть речи» было впоследствии исправлено (путем добавления надстрочных диакритических точек – *syāmē*) на выражение множественного числа «другие части речи» [31, с. 172].

Вплоть до XI в. сирийцы занимались решением отдельных вопросов языкознания, не учитывая опыт и наблюдения своих предшественников. Ситуация стала меняться, когда Илья Тирханский предпринял попытку описать всю сирийскую грамматику: фонетику, морфологию и синтаксис. В предисловии к своему труду он дал следующее определение грамматике: «Грамматика является, кратко, наукой об изменениях имен, глаголов и фразовых членов какого-нибудь одного языка или [наукой об изменениях], касающихся многих языков, т. е. наукой о правилах различных изменений имен, глаголов и фразовых членов, обозначающих понятия, скрытые в душе человека» [31, с. 65]. Подобное определение, особенно в первой своей части, имеет много сходств с тем, что современная наука подразумевает под термином «грамматика»: «Грамматикой называется наука о строе слова и строе предложения в отвлечении от конкретного материального значения слов и предложений, а так-

же и самый строй слова и строй предложения, присущие данному языку» [3, с. 8]. Таким образом, определение этого автора может свидетельствовать «о зрелости мысли ученого, о четком представлении им грамматики, ее содержания и значения» [31, с. 15].

Илья Тирханский имел тенденцию сравнивать сирийский язык с арабским. Однако это вовсе не означает, что он отверг всю предшествующую сирийскую традицию. Напротив, Илья Тирханский испытывал глубокое уважение к авторитетным сирийским грамматикам и к их грамматической мысли, основанной, как правило, на греческой античной науке. Особенно это выражается в его учении о частях речи. Следуя предшествующим ему сирийским грамматикам, Илья Тирханский выделил семь частей речи: имя, глагол, местоимение, прилагательное, причастие, предлог (который относится к союзам), наречие и союз. Таким образом, ему было чуждо учение арабских грамматиков о трех частях речи [5, с. 180].

Сирийские части речи были рассмотрены грамматиком с точки зрения их роли в предложении. Он пишет: «имя – [носитель] рода, субъекта и материи или сущности; глагол – различие и форма. Остальные [части речи] получают содержание и названия от имени и глагола, существуют как [их] свойства и случайности, что определяется из того, как они называются, [например] – “местоимение”, [что буквально значит: “вместо имени”]» [13, с. 32]. Это означает, что основу предложения составляют имя и глагол. Остальные части речи являются менее важными: «Ты не считай именем и глаголом каждую [часть речи], они обе – в их названиях. Они [остальные части речи] не имеют собственного существования, а состоят при субъекте в качестве [побочных обстоятельств]» [13, с. 32]. В отношении имени он также добавляет следующее: «Имя не имеет [понятия] времени, которое [оно получает соответственно] времени глагола. Остальные [части речи] являются дополнениями к этим [двум]» [13, с. 32].

Вышеприведенное определение имени и глагола несколько отличается от соответствующего арабского определения. Так, например, Сибавейхи (797) дал следующее определение имени и глагола: «Имена суть: *radjulun* (муж), *farasun* (лошадь); глаголы же суть формы, взятые от звукосочетаний (выражающих) акциденты имен и видоизмененные для означения прошедшего времени, будущего, не совершившегося, или настоящего, не прекратившегося» [4, с. 51]. Арабский грамматик Абу Али ал-Фариси (987), который был более близок по времени к Илье Тирханскому, практически повторяет Сибавейхи: «Имя есть то, о чем можно что-либо сказать, примером чего будут наши фразы: “Абдулла есть приближающийся”, “Бекр встал...”. Глагол есть то, что может быть сказуемым, но не бывает подлежащим, пример: “Абдулла вышел”, “Бекр отправится”, “уйди”, “не бей”» [4, с. 52; 27, с. 155]. Таким образом, арабские грамматики акцентируют свое внимание на практическом употреблении слова в предложении (Сибавейхи приводит только те примеры, которые иллюстрируют употребление имени в предложении, а Абу Али ал-Фариси говорит «то, что может быть сказуемым, но не бывает подлежащим»). Сирийский грамматик не ограничивается установлением роли частей речи в предложении, он дает характеристику сущности имени и глагола: имя – это род, субъект и материя, а глагол – различие и форма. Р. Г. Рылова считает, что подобное определение имени и глагола вытекает из античности, а не из арабской грамматики [13, с. 33].

В греческом античном мире учение о языке было теснейшим образом связано с философией. Основное внимание было сосредоточено на решении вопроса о «взаимоотношении между вещью, мыслью и словом» [16, с. 8]. Античное учение о языке отчасти вытекает из мифологического мировоззрения. И. Троцкий пишет: «Среди мифологических аспектов языка должны быть особо отмечены два момента. Во-первых, язык как целое сравнительно редко привлекает к себе внимание; центр тяжести мифологической трактовки языка лежит на отдельном слове, точнее – на *имени*. Имя вещи мыслится неразрывно связанным с самой вещью, ее неотъемлемой частью... Имя не существует вне вещи, и, совершая какие-либо операции над именем, мы воздействуем на вещь, подчиняя ее нашей воле» [16, с. 8-9]. Таким образом, в мифологии вещь и имя были полностью взаимосвязаны. Ситуация стала несколько меняться в античной науке, которая «разорвала эту связь, поместила между именем и вещью мысль», но при этом «продолжала соотносить изолированное слово, как полнозначного носителя смысловых отношений, непосредственно с отдельной вещью или мыслью» [16, с. 23]. Именно такое отношение к языку, в частности к имени, встречается в сочинениях Ильи Тирханского: «имя – [носитель] рода, субъекта и материи или сущности». Иными словами, «имя представляет вещь, которая характеризуется определенным родом и является определенной материей, и только в комплексе этих свойств выступает как субъект предложения, который поясняет глагол, характеризующий различие одного имени – вещи-предмета от других положением во времени» [13, с. 34].

В Поэтике 20, 9 Аристотель говорит о глаголе следующее: «Глагол – составной, имеющий самостоятельное значение, с оттенком времени (букв. – со временем), звук, в котором отдельные части не имеют самостоятельного значения. Например, “человек” или “белое” не обозначает времени, а “идет” или “пришел” имеют добавочное значение: одно – настоящего времени, другое – прошедшего» [10, с. 171]. Это означает, что основным признаком глагола является обозначение времени. Аналогичное понимание встречается и у Ильи Тирханского, для которого «имя не имеет [понятия] времени, которое [оно получает соответственно] времени глагола» [13, с. 133].

Следуя античной науке о языке, Илья Тирханский ставит равенство между частями речи и членами предложения. В античности полагали, что предложение состоит из «имени» и «речений». Понятие «речение» стало впоследствии обозначать глагол «как противостоящую имени часть “речи”, т. е. предложения» [16, с. 22]. Члены предложения и части речи не разграничивались в античной науке: «Классификация слов “по частям речи”, объединяющая семантические и морфологические признаки, является основой синтаксиса, так как слово не имеет в предложении иной функции, кроме выражения своей самостоятельной семантики. Различая в суждении субъект и предикат, античная теория видит в предложении только имена и глаголы» [16, с. 24]. Именно в таком ключе рассуждает Илья Тирханский, когда говорит, что «основа предложения – две части [речи]: имя и глагол. Имя – [носитель] рода, субъекта и материи или сущности, глагол – различие и форма» [13, с. 133]. Таким образом, сирийский грамматик рассматривает предложение только как соединение имен и глаголов. Субъект и предикат не выделяются им как члены предложения.

В XIII в. Иоанн бар Зоби останется верным древней сирийской грамматической традиции, основанной на греческой античной науке. Согласно А. Мерксу, Бар Зоби является «*maximus Nestorianorum grammaticus*» [28, с. 158]. В своей «Малой грамматике» он кратко изложил основы сирийской грамматики семисложным размером. Классификация частей речи Бар Зоби вытекает из классификации Дионисия Фракийца. Однако в отличие от последнего, в грамматике Бар Зоби не восемь частей речи, а семь: имя, глагол, местоимение, прилагательное, наречие, предлог и союз [19, с. 1]. Аналогичная картина наблюдается и у Ильи Тирханского и, видимо, у Иакова Эдесского. Таким образом, Бар Зоби следует сирийской традиции, согласно которой греческая часть речи артикль отсутствует. Имя имеет четыре категории: природные имена, личные имена, имена действия (обозначающие деятельность) и имена случайные. Грамматик выделяет семь акциденций глагола: роды, числа, времена, лица, залогов, формы (словообразования), наклонения. Бар Зоби добавляет к акциденциям Дионисия род и исключает акциденции, которые были в сирийском переводе «Грамматики», а именно: вид и спряжение [19, с. 3].

Следует задать следующий вопрос: если Бар Зоби ориентируется на греческую грамматику, то как в таком случае он решает проблему спряжения сирийского глагола? При ответе на этот вопрос семитологи обычно основываются на концепции арабских грамматиков, в глагольной системе которых лежит корень, состоящий из трех или четырех согласных. «Сибавайхи дает описание образования трех – и четырехсогласных глаголов с учетом типа корня – правильных и слабых, глаголов с первым слабым корневым, образующим парадигму наподобие правильных, геминированных глаголов и др.» [1, с. 78]. Глагольные корни можно разделить на две большие группы: «сильные» корни и «слабые» корни. Так, например, в сирийском языке корень называется слабым, если в его составе есть слабые согласные *waw* и *yod*, а также *alaf* и *nun*, которые выпадают в определенных случаях. Сам по себе глагольный корень не употребляется в сирийском языке, он выражает лишь общее значение того или иного действия. Согласно Б. М. Гранде, «корень существует не как исторически зарегистрированная форма слов языка, а как лексико-грамматическая абстракция, как неделимый остаток морфологического анализа» [5, с. 104]. Например, слова *ktab*, ‘он написал’, *ktābā*(?), ‘письмо’, *kātubā*(?), ‘писарь’ имеют общий трехбуквенный корень *k-t-b*, который выражает значение «написание». В этой связи «корнем называется группа стойких согласных звуков слова, которая выделяется после удаления всех аффиксов и гласных звуков» [5, с. 104-105]. В арабской глагольной системе, как и в сирийской или еврейской, корень образует посредством соответствующих формантов несколько производных основ, которые обычно называются «породами». Как правило, эти породы имеют свой определенной оттенок видового или залогового характера. В арабском языке десять употребительных пород [7, с. 216], в сирийском языке – шесть [17, с. 68-69], в еврейском языке – семь [6, с. 53-54]. Теоретически от каждого корня можно образовать все породы, но на практике он выступает только в нескольких породах. Для классической сирийской грамматики, известной современным семитологам, характерна следующая система спряжения: есть простая порода *Ḥal* и две производные от нее:

Па'эл и *Аф'эл*. Этим трем активным породам соответствуют три рефлексивно-пассивные породы: *Этнэ'эл*, *Этна'ал*, *Этнаф'ал*. «Исходной» формой той или иной породы является третье лицо мужского рода единственного числа: «он писал», «он читал», «он слушал» и т. д. (в русском языке исходной формой является инфинитив: «писать», «читать», «слушать»). В породе *Пэ'ал* основа исходной формы правильного глагола состоит из трех корневых согласных: *ktāb*, 'он писал' (между первым и вторым корневыми согласными присутствует огласовка *nmaxa*) или *slek*, 'он встал' (между первым и вторым корневыми согласными присутствует огласовка *rwasa*). Если в корне есть «слабый» корневой согласный, то он либо выпадает, либо полностью ассимилируется с последующим согласным. Так, например, корень *qwm*, 'вставить' должен гипотетически иметь в простой породе исходную форму *qwam** (ср. *ktāb*). Однако этот корень содержит средний «слабый» *waw*, который выпадает. Поэтому форма *qām* (без среднего корневого *waw*) является исходной в простой породе. Еще один пример. Геминированный корень *bzz*, 'грабить' должен по аналогии с *ktāb* иметь форму *bzaz**. Однако встречается форма *baz*. Таким образом, если не учитывать концепцию трехбуквенного корня, обе формы *qām* и *baz*, имеющие разные корни, можно отнести в одну группу глаголов, которые состоят из двух букв.

А. Меркс отмечает, что в грамматике Бар Зоби нет понятий «корень» и «порода»: «Он использует количество согласных и даже слогов и ничего не говорит о фактической форме корня, так что *Пэ'ал*, *Па'эл* и *Аф'эл* рассматриваются вместе с другими группами того же глагола» [28, с. 167]. Это означает, что Бар Зоби рассматривает глагол, исходя из его материальной формы (= буква является наименьшим элементом слова), а не через его абстрактный трехбуквенный «корень» и «породу». Так, например, он классифицирует глаголы на двухбуквенные, трехбуквенные и четырехбуквенные. Поэтому форма *qām* – это *qām* (а не гипотетическая форма *qwam**, наподобие *ktāb*), *baz* – это *baz* (а не гипотетическая форма *bzaz**, наподобие *ktāb*). Бар Зоби пишет: «Двухбуквенный (глагол – А. З.) делится на те (глаголы – А. З.), которые имеют в начале *nmaxu* (т. е. надстрочную огласовку, обозначающую краткий гласный [а] – прим. А. З.), и на те (глаголы – А. З.), которые имеют в начале *zkafu* (т. е. огласовку, обозначающую долгий гласный [а])»... Те (глаголы – А. З.), которые имеют в начале *nmaxu*: *baz*, *gar*, *daq*... Те (глаголы – А. З.), которые имеют в начале *zkafu*: *bāt*, *gār*, *dāq*...» [19, с. 6-7]. Современная грамматика сказала бы в отношении первых глаголов, что это геминированные глаголы, у которых второй и третий корневые одинаковые, а в отношении вторых – «пустые» глаголы, с недостающим вторым корневым. В грамматике Бар Зоби другие типы глаголов (трехбуквенные, четырехбуквенные) описываются по такому же принципу, что и двухбуквенные глаголы, то есть, исходя из материальной формы глагола, а не через посредство понятий «корень» и «порода» [19, с. 12].

Таким образом, в XIII в. Бар Зоби пишет свою грамматику по образцу «Грамматики» Дионисия Фракийца. Под воздействием этого влияния он описывает всю глагольную систему сирийского языка без арабских понятий «корень» и «порода». Эти термины являются «простыми грамматическими концепциями, которые были выработаны арабскими грамматиками и которые впоследствии проникли в сирийскую грамматическую мысль» [19, с. 12]. Изначально спряжение сирийского глагола описывалось, исходя из материальной формы глагола, а не при помощи абстрактного восстановления «слабого» корня по образцу «цельного». Это означает, что в сирийской традиции, как и в греческой, слова состояли из слогов, а слоги из букв: «буква [*gramma*] была минимальным элементом слова» [2, с. 110; 16, с. 11].

В XII в. Григорий Абу-л-Фарадж бар Эбрей написал «Книгу лучей» по образцу арабской грамматики. Как и Бар Зоби, Бар Эбрей выделяет семь частей речи, однако первые три являются «основными» частями, а остальные четыре – «производными». Первые три части речи соответствуют трем арабским частям речи, то есть имени, глаголу и частицам [18, с. 147; 1, с. 75]. Глаголы подразделяются на двухбуквенные и трехбуквенные. В этом грамматик соответствует Бар Зоби. Касательно двухбуквенных глаголов, он пишет следующее: «Глава III: О двухбуквенных глаголах. Первый раздел: О глаголах, первый согласный которых огласован *zkafoi* и *nmaxoi*. Все двухсогласные глаголы образуют в прошедшем времени слог, первый согласный которого огласован *zkafoi* или *nmaxoi*, или двумя. В качестве примера были специально взяты глаголы в прошедшем времени, так как они избегают при входе приращений, в отличие от форм настоящего и будущего времени» [18, с. 150]. При описании глаголов *qām* и *baz* грамматик нигде не говорит о выпавшем *waw* и о схожем втором и третьем согласном. Что касается трехбуквенных глаголов, Бар Эбрей не ограничивается простым изложением глагольных парадигм, как это делает Бар Зоби, он пытается еще объяснить причину «неправильного» спряжения слабых глаголов. Так, например, он объясняет почему глаголы с конечным *alaf* и *yod* в первом и втором лице постоянно оканчиваются на согласный *yod*: «по той причине, что

yod и *alaf* родственны в слабости» [18, с. 153]. В этой связи А. Меркс пишет следующее: «Бар Эбрей был первым, кто стал различать формы слабых корней от форм сильных корней» [28, с. 252]. Однако Бар Эбрей не использовал в своей грамматике арабское понятие «корень»: «Поэтому он ввел в сирийскую грамматику арабскую теорию цельного и неполного (глагола – А. З.), которая стала бы очень важной, если бы он постиг трехбуквенную природу корня и использовал бы его в качестве основного принципа словообразования. Однако ни Бар Эбрей, ни кто-либо другой среди сирийских грамматиков этого не сделал» [28, с. 253]. Сирийский грамматик заимствовал у арабских грамматиков понятие «больные буквы», а также представление о том, что отклонения должны быть вызваны определенными причинами [19, с. 204]. Он не применил к сирийскому языку арабское понятие «корень» и, соответственно, не восстанавливал гипотетический трехбуквенный корень у неполных глаголов. Напротив, он использовал принцип, основанный на двухбуквенной или трехбуквенной форме третьего лица единственного числа прошедшего времени, что приближает его к греческой античной традиции.

4. Заключение

Изучение ранней истории сирийской грамматики во многом осложняется тем, что многие сочинения были утрачены или сохранились в цитатах более поздних авторов. В этой связи на основе дошедшего до нас материала можно прийти к выводу, что древних сирийцев интересовали главным образом вопросы акцентуации, пунктуации и вокализации. Однако наличие сирийского перевода грамматики Дионисия Фракийца может свидетельствовать об обратном, а именно о том, что сирийские авторы всесторонне изучали грамматику и широко использовали лингвистические достижения древних греков в своих трудах [13, с. 9].

Вплоть до XIII в. сирийские грамматики находились под сильным влиянием античной науки. Это не могло не отразиться на развитии средневекового сирийского языкознания. Для александрийской школы понятие «морфема» было неизвестно, морфологические элементы не различались. Аналогичный подход к языку наблюдается и среди сирийских средневековых грамматиков. Иаков Эдесский и Иоанн бар Зоби пишут свои грамматики, ориентируясь на греческую модель. В этой связи буква была для них наименьшим элементом слова. Кроме того, в основе их грамматики также лежал принцип «единообразного флектирования» схожих слов. Илья Тирханский, описавший сирийскую грамматику по арабскому образцу, не имел представления о корне как о целостной морфеме. Григорий бар Эбрей, сирийский ученый XIII в., был первым, кто ввел в сирийскую грамматику арабские понятия «цельный» и «неполный» глаголы. Однако, несмотря на влияние арабской грамматической мысли, ему была чужда концепция трехбуквенного корня.

Современные сирийские грамматики Р. Дюваль [24], Т. Нёльдеке [29], Л. Костаз [23] и другие описывают сирийскую систему языка, основываясь полностью на арабской теории «корня» и «породы». В этой связи традиционный подход сирийских грамматиков, развивавшийся в русле античной грамматической мысли, сегодня перестал использоваться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахвледиани В. Г. Арабское языкознание средних веков // А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон (ред.). История лингвистических учений. Средневековый Восток. СПб: Наука, 1981. С. 53-95.
2. Будман Ю. Д. К вопросу о формировании представления о морфемном составе слова в ближневосточных лингвистических традициях (VII–X вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 3, 2017. С. 108-116.
3. Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархударов С. Г. Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. 722 с.
4. Гиргас В. Ф. Очерк грамматической системы арабов. СПб: типография Императорской академии наук, 1873. 222 с.
5. Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: Восточная литература РАН, 1998. 439 с.
6. Зиновкин А. Ю. Древнееврейский язык. СПб: Изд-во СПбДА, 2017. 217 с.
7. Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. 752 с.
8. Кочергина В. А. Введение в языкознание. Основы фонетики-филологии. Грамматика. М.: Книжный дом «Либроком», 2015. 270 с.

9. Лёзов С. В. Классический сирийский язык // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (сост.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 562-625.
10. Перельмутер И. А. Аристотель // А. В. Десницкая и С. Д. Кацнельсон (ред.) История лингвистических учений. Древний мир. СПб.: Наука, 1980. С. 156-179.
11. Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в Средние века. М.: Наука, 1979. 150 с.
12. Райт В. Краткий очерк истории сирийской литературы. Пер. с англ. К. А. Тураевой. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1902. 326 с.
13. Рылова Р. Г. Грамматика сирийского языка Ильи Тирханского (XI в.) // Палестинский Сборник. Вып. 14 (77). М.; СПб.: НАУКА, 1965. 160 с.
14. Селезнёв Н. Н. Йбханнын Бар Зб'би и его «Истолкование таин». Критический текст, перевод, исследование. Омск: Амфора, 2015. 223 с.
15. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
16. Троицкий И. Проблемы языка в античной науке // О. М. Фрейденберг (ред.). Античные теории языка и стиля. СПб: ОГИЗ, 1936. С. 7-146.
17. Церетели К. Г. Сирийский язык. М.: Наука, 1979. 160 с.
18. Bohas G. Barhebraeus et la tradition grammaticale syriaque // Parole de l'Orient 33 (2008). P. 145-158.
19. Bohas G. Le traitement de la conjugaison du syriaque chez Bar Zo 'bi: une langue sémitique dans le miroir de la grammaire grecque // Parole de l'Orient № 40, 2015. P. 1-19.
20. Bohas G. La morphophonologie dans la Grande Grammaire de Barhebraeus, à travers l'étude des verbes défectueux // M. Farina (éd.). Les auteurs syriaques et leur langue. Paris: Geuthner, 2018. P. 189-206.
21. Conti S. E. Les sources grecques des textes grammaticaux syriaques // M. Farina (éd.). Les auteurs syriaques et leur langue. Paris: Geuthner, 2018. P. 27-54.
22. Contini R. Greek Linguistic Thinking and the Syriac Linguistic Tradition // Sprawozdania z posiedzen komisji naukowych № 40, 1996. P. 45-49.
23. Costaz L. Grammaire syriaque. Beyrouth: Imprimerie catholique, 1955. 263 p.
24. Duval R. Traité de grammaire syriaque. Paris: Vieweg, 1881. 498 p.
25. Duval R. Anciennes littératures chrétiennes. T. II. La littérature syriaque. 2ème édition. Paris: Librairie Victor Lecoffre, 1900. 474 p.
26. Farina M. La linguistique syriaque selon Jacques d'Edesse // M. Farina (éd.). Les auteurs syriaques et leur langue. Paris: Geuthner, 2018. P. 167-187.
27. Fischer J. B. The Origin of Tripartite Division of Speech in Semitic Grammar // The Jewish Quarterly Review T. 54. № 2, 1963. P. 132-160.
28. Merx A. Historia artis grammaticae apud Syros. Leipzig, 1889. 402 p.
29. Nöldeke T. Compendius Syriac Grammar. Trans. by J. A. Crichton. London: Williams and Norgate, 1904. 371 p.
30. Talmon R. Foreign Influence in the Syriac Grammatical Tradition // S. Arnoux et al. (eds.). History of the Language Sciences: An international handbook on the evolution of the study of language from the beginnings to the present. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2000. P. 337-341.
31. Talmon R. Jacob of Edessa the Grammarian // B. ter H. Romeny (ed.). Jacob of Edessa and the Syriac Culture of His Day. Leiden-Boston: Brill, 2008. 159-176 p.

Поступила в редакцию 13.09.2020

Зиновкин Александр Юрьевич, кандидат богословия, доцент кафедры древних языков
 Санкт-Петербургская духовная академия
 191167, Россия, г. С-Петербург, наб. Обводного канала, 17
 E-mail: zinovkinpds@mail.ru

A. Yu. Zinovkin

THE INFLUENCE OF GREEK LINGUISTIC TRADITION ON THE DEVELOPMENT OF MEDIEVAL SYRIAC GRAMMAR

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-2-189-198

The article is devoted to the development of medieval Syriac linguistics, which has undergone great influence from ancient Greek grammar, especially Dionysius Thrax's grammar. After a brief description of the history of Syriac language, the major grammarians who reflected the Syriac linguistic tradition in their writings are listed.

Keywords: Syriac language, medieval linguistic traditions, parts of speech, morphology, consonant root.

REFERENCES

1. Akhvlediani V. G. Arabskoye yazykoznanie srednikh vekov [Arabic Linguistics of the Middle Ages] // A. V. Desnitskaya, S. D. Katsnel'son (eds.). Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Srednevekovyy Vostok [History of Linguistic Teachings. Medieval East]. St. Petersburg: Nauka, 1981. 53-95 p. (In Russian).
2. Budman Yu. D. K voprosu o formirovaniy predstavleniya o morfemnom sostave slova v blizhnevostochnykh lingvisticheskikh traditsiyakh (VII–X vv.) [The Semitic Root: Process of the Concept Development (VIIth-Xth Cent.)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Linguistics. № 3, 2017. 108-116 p. (In Russian).
3. Vinogradov V. V., Istrina Ye. S., Barkhudarov S. G. Grammatika russkogo yazyka [Russian Grammar]. T. I. Fonetika i morfologiya [Phonetics and Morphology]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 722 p. (In Russian).
4. Girgas V. F. Ocherk grammaticheskoy sistemy arabov [Essay on the Grammar System of the Arabs]. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1873. 222 p. (In Russian).
5. Grande B. M. Vvedenie v sravnitelnoe izuchenie semitskikh yazykov [Introduction to the Comparative Study of Semitic Languages]. Moscow: Oriental literature of the Russian Academy of Sciences, 1998. 439 p. (In Russian).
6. Zinovkin A. Yu. Drevneyevreyskiy yazyk [Hebrew Language]. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg Theological Academy. 2017. 217 p. (In Russian).
7. Kovalev A. A., Sharbatov G. Sh. Uchebnik arabskogo yazyka [Arabic Textbook]. 2nd Edition. Moscow: Nauka, 1969. 752 p. (In Russian).
8. Kochergina V. A. Vvedeniye v yazykoznanie. Osnovy fonetiki-filologii. Grammatika [Introduction to Linguistics. Fundamentals of Phonetics-Philology. Grammar.]. Moscow: Knizhnyy dom «Librokom», 2015. 270 p. (In Russian).
9. Lezov S. V. Klassicheskiy siriyskiy yazyk [Classical Syriac Language] // A. G. Belova, L. Ye. Kogan, S. V. Lezov, O. I. Romanova (eds.). YAzyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki [World Languages: Semitic Languages. Akkadian language. Northwest Semitic Languages]. Moscow: Academia, 2009. 562-625 p. (In Russian).
10. Perelmutter I. A. Aristotel [Aristotle] // A. V. Desnitskaya, S. D. Katsnelson (eds.). Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Drevniy mir [History of Linguistic Teachings. Ancient World]. St. Petersburg: Nauka, 1980. 156-179 p. (In Russian).
11. Pigulevskaya N. V. Kultura siriytsev v Sredniye veka [Syrian Culture in the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1979. 150 p. (In Russian).
12. Rayt V. Kratkiy ocherk istorii siriyskoy literatury [A Brief Outline of the History of Syrian Literature]. Trans. from eng. by K. A. Turayevoy. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1902. 326 p. (In Russian).
13. Rylova R. G. Grammatika siriyskogo yazyka Il'i Tirkhanskogo (XI v.) [Grammar of the Syriac Language of Elias Tirhan (XIth Cen)] // Palestinskiy Sbornik. Vypusk 14 (77). Moscow, St. Petersburg: Nauka, 1965. 160 p. (In Russian).
14. Seleznov N. N. Yōkhannān Bar Zō'bi i yego «Istolkovaniye tain». Kriticheskiy tekst, perevod, issledovaniye [Yōkhannān Bar Zō'bi and His "Interpretation of the Sacraments". Critical Text, Translation, Research]. Omsk: Amfora, 2015. 223 p. (In Russian).
15. Sossyur F. de. Trudy po yazykoznaniiyu [Proceedings in Linguistics]. Per. s fr. yaz. pod red. A. A. Kholodovicha. Moscow: Progress, 1977. 696 p. (In Russian).
16. Trotskiy I. Problemy yazyka v antichnoy nauki [Problems of Language in Ancient Science] // O. M. Freydenberg (ed.). Antichnyye teorii yazyka i stilya [Ancient Theories of Language and Style.]. St. Petersburg: OGIZ, 1936. P. 7-146.
17. Tsereteli K. G. Siriyskiy yazyk [Syriac Language]. Moscow: Nauka, 1979. 160 p. (In Russian).
18. Bohas G. Barhebraeus et la tradition grammaticale syriaque // Parole de l'Orient 33 (2008). P. 145-158.
19. Bohas G. Le traitement de la conjugaison du syriaque chez Bar Zo 'bi: une langue sémitique dans le miroir de la grammaire grecque // Parole de l'Orient № 40, 2015. P. 1-19.
20. Bohas G. La morphophonologie dans la Grande Grammaire de Barhebraeus, à travers l'étude des verbes défectueux // M. Farina (éd.). Les auteurs syriaques et leur langue. Paris: Geuthner, 2018. P. 189-206.
21. Conti S. E. Les sources grecques des textes grammaticaux syriaques // M. Farina (éd.). Les auteurs syriaques et leur langue. Paris: Geuthner, 2018. P. 27-54.
22. Contini R. Greek Linguistic Thinking and the Syriac Linguistic Tradition // Sprawozdania z posiedzen komisji naukowych № 40, 1996. P. 45-49.
23. Costaz L. Grammaire syriaque. Beyrouth: Imprimerie catholique, 1955. 263 p.
24. Duval R. Traité de grammaire syriaque. Paris: Vieweg, 1881. 498 p.
25. Duval R. Anciennes littératures chrétiennes. T. II. La littérature syriaque. 2ème édition. Paris: Librairie Victor Lecoffre, 1900. 474 p.
26. Farina M. La linguistique syriaque selon Jacques d'Edesse // M. Farina (éd.). Les auteurs syriaques et leur langue. Paris: Geuthner, 2018. P. 167-187.
27. Fischer J. B. The Origin of Tripartite Division of Speech in Semitic Grammar // The Jewish Quarterly Review T. 54. № 2, 1963. P. 132-160.

28. Merx A. *Historia artis grammaticae apud Syros*. Leipzig, 1889. 402 p.
29. Nöldeke T. *Compendious Syriac Grammar*. Trans. by J. A. Crichton. London: Williams and Norgate, 1904. 371 p.
30. Talmon R. Foreign Influence in the Syriac Grammatical Tradition // S. Arnoux et al. (eds.). *History of the Language Sciences: An international handbook on the evolution of the study of language from the beginnings to the present*. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2000. P. 337-341.
31. Talmon R. Jacob of Edessa the Grammarian // B. ter H. Romeny (ed.). *Jacob of Edessa and the Syriac Culture of His Day*. Leiden-Boston: Brill, 2008. 159-176 p.

Received 13.09.2020

Zinovkin A. Yu., Candidate in Divinity, Associate Professor of the Department of Ancient Languages
Saint-Petersburg Theological Academy
Obvodny kanal, 17, St Petersburg, Russia, 191167
E-mail: zinovkinpds@mail.ru